

Жених и папенька

А вы, я слышал, женитесь! обратился к Петру Петровичу Милкину на дачном балу один из его знакомых. Когда же мальчишник справлять будете? Откуда вы взяли, что я женюсь? вспыхнул Милкин. Какой это дурак вам сказал?

Все говорят, да и по всему видно... Нечего скрывать, батенька... Вы думаете, что нам ничего не известно, а мы вас насквозь видим и знаем! Хе-хе-хе... По всему видно... Целые дни просиживаете вы у Кондрашкиных, обедаете там, ужинаете, романсы поете... Гуляете только с Настенькой Кондрашкиной, ей одной только букеты и таскаете... Всё видим-с! Намедни встречается мне сам Кондрашкин-папенька и говорит, что ваше дело совсем уже в шляпе, что как только переедете с дачи в город, то сейчас же и свадьба... Что ж? Дай бог! Не так я за вас рад, как за самого Кондрашкина... Ведь семь дочек у бедняги! Семь! Шутка ли? Хоть бы одну бог привел пристроить...

Чёрт побери... подумал Милкин. Это уж десятый говорит мне про женитьбу на Настеньке. И из чего заключили, чёрт их возьми совсем! Из того, что ежедневно обедаю у Кондрашкиных, гуляю с Настенькой... Не-ет, пора уж прекратить эти толки, пора, а то того и гляди, что женят, анафемы!.. Схожу завтра объяснюсь с этим болваном Кондрашкиным, чтоб не надеялся попусту, и айда!

На другой день после описанного разговора Милкин, чувствуя смущение и некоторый страх, входил в дачный кабинет надворного советника Кондрашкина.

Петру Петровичу! встретил его хозяин. Как живем-можем? Соскучились, ангел? Хе-хе-хе... Сейчас Настенька придет... На минутку к Гусевым побежала...

Я, собственно говоря, не к Настасье Кирилловне, пробормотал Милкин, почесывая в смущении глаз, а к вам... Мне нужно поговорить с вами кое о чем... В глаз что-то попало...

О чем же это вы собираетесь поговорить? мигнул глазом Кондрашкин. Хе-хе-хе... Чего же вы смущены так, милаша? Ах, мужчина, мужчина! Беда с вами, с молодежью! Знаю, о чем это вы хотите поговорить! Хе-хе-хе... Давно пора...

Собственно говоря, некоторым образом... дело, видите ли, в том, что я... пришел проститься с вами... Уезжаю завтра...

То есть как уезжаете? спросил Кондрашкин, вытаращив глаза.

Очень просто... Уезжаю, вот и всё... Позвольте поблагодарить вас за любезное гостеприимство... Дочери ваши такие милые... Никогда не забуду минут, которые...

Позвольте-с... побагровел Кондрашкин. Я не совсем вас понимаю. Конечно, каждый человек имеет право уезжать... можете вы делать всё, что вам угодно, но, милостивый государь, вы... отвиливаете... Нечестно-с!

Я... я... я не знаю, как же это я отвиливаю?

Ходил сюда целое лето, ел, пил, обнадеживал, балясы тут с девчонками от зари до зари точил, и вдруг, на тебе, уезжаю!

Я... я не обнадеживал...

Конечно, предложения вы не делали, да разве не видно было, к чему клонились ваши поступки? Каждый день обедал, с Настей по целым ночам под ручку... да нешто всё это спроста делается? Женихи только ежедневно обедают, а не будь вы женихом, нешто я стал бы вас кормить? Да-с! нечестно!

Я и слушать не желаю! Извольте делать предложение, иначе я... тово...

Настасья Кирилловна очень милая... хорошая девица... Уважаю я ее и... лучшей жены не желал бы себе, но... мы не сошлись убеждениями, взглядами. В этом и причина? улыбнулся Кондрашкин. Только-то? Да душенька ты моя, разве можно найти такую жену, чтоб взглядами была на мужа похожа? Ах, молодец, молодец! Зелень, зелень! Как запустит какую-нибудь теорию, так ей-богу... хе-хе-хе... в жар даже бросает... Теперь взглядами не сошлись, а поживете, так все эти шероховатости и сгладятся... Мостовая, пока новая ездить нельзя, а как пообъездят ее немножко, то мое почтение!

Так-то так, но... я недостойн Настасьи Кирилловны...

Достоин, достоин! Пустяки! Ты славный парень!

Вы не знаете всех моих недостатков... Я беден...

Пустое! Жалованье получаете и слава богу...

Я... пьяница...

Ни-ни-ни!.. Ни разу не видал пьяным!.. замахал руками Кондрашкин.

Молодежь не может не пить... Сам был молод, переливал через край. Нельзя без этого...

Но ведь я запоем. Во мне наследственный порок!

Не верю! Такой розан и вдруг запой! Не верю!

Не обманешь чёрта! подумал Милкин. Как ему, однако, дочек спихнуть хочется!

Мало того, что я запоем страдаю, продолжал он вслух, но я наделен еще и другими пороками. Взятки беру...

Милаша, да кто же их не берет? Хе-хе-хе. Эка, поразил!

И к тому же я не имею права жениться до тех пор, пока я не узнаю решения

моей судьбы... Я скрывал от вас, но теперь вы должны всё узнать... Я... я состою под судом за растрату...

Под судом? обомлел Кондрашкин. Н-да... новость... Не знал я этого. Действительно, нельзя жениться, покуда судьбы не узнаешь... А вы много растратили?

Сто сорок четыре тысячи.

Н-да, сумма! Да, действительно, Сибирью история пахнет... Этак девчонка может ни за грош пропасть. В таком случае нечего делать, бог с вами...

Милкин свободно вздохнул и потянулся к шляпе...

Впрочем, продолжал Кондрашкин, немного подумав, если Настенька вас любит, то она может за вами туда следовать. Что за любовь, ежели она жертв боится? И к тому же, Томская губерния плодородная. В Сибири, батенька, лучше живется, чем здесь. Сам бы поехал, коли б не семья. Можете делать предложение!

Экий чёрт несговорчивый! подумал Милкин. За нечистого готов бы дочку выдать, лишь бы только с плеч спихнуть.

Но это не всё... продолжал он вслух. Меня будут судить не за одну только растрату, но и за подлог.

Всё равно! Одно наказание!

Тьфу!

Чего это вы так громко плюете?

Так... Послушайте, я вам еще не всё открыл... Не заставляйте меня высказывать вам то, что составляет тайну моей жизни... страшную тайну!

Не желаю я знать ваших тайн! Пустяки!

Не пустяки, Кирилл Трофимыч! Если вы услышите... узнаете, кто я, то отшатнетесь... Я... я беглый каторжник!!.

Кондрашкин отскочил от Милкина, как ужаленный, и окаменел. Минуту он стоял молча, неподвижно и глазами, полными ужаса, глядел на Милкина, потом упал в кресло и простонал:

Не ожидал... промычал он. Кого согрел на груди своей! Идите! Ради бога уходите! Чтоб я и не видел вас! Ох!

Милкин взял шляпу и, торжествуя победу, направился к двери...

Постойте! остановил его Кондрашкин. Отчего же вас до сих пор еще не задержали?

Под чужой фамилией живу... Трудно меня задержать...

Может быть, вы и до самой смерти этак проживете, что никто и не узнает, кто вы... Постойте! Теперь ведь вы честный человек, раскаялись уже давно... Бог с вами, так и быть уж, женитесь!

Милкина бросило в пот... Врать дальше беглого каторжника было бы уже некуда, и оставалось одно только: позорно бежать, не мотивируя своего

бегства... И он готов уж был юркнуть в дверь, как в его голове мелькнула мысль...

Послушайте, вы еще не всё знаете! сказал он. Я... я сумасшедший, а безумным и сумасшедшим брак возбраняется...

Не верю! Сумасшедшие не рассуждают так логично...

Стало быть, не понимаете, если так рассуждаете! Разве вы не знаете, что многие сумасшедшие только в известное время сумасшествуют, а в промежутках ничем не отличаются от обыкновенных людей?

Не верю! И не говорите!

В таком случае я вам от доктора свидетельство доставлю!

Свидетельству поверю, а вам нет... Хорош сумасшедший!

Через полчаса я принесу вам свидетельство... Пока прощайте...

Милкин схватил шляпу и поспешно выбежал. Минут через пять он уже входил к своему приятелю доктору Фитюеву, но, к несчастью, попал к нему именно в то время, когда он поправлял свою куафюру после маленькой ссоры со своей женой.

Друг мой, я к тебе с просьбой! обратился он к доктору. Дело вот в чем... Меня хотят окрутить во что бы то ни стало... Чтобы избежать этой напасти, я придумал показать себя сумасшедшим... Гамлетовский прием, в некотором роде... Сумасшедшим, понимаешь, нельзя жениться... Будь другом, дай мне удостоверение в том, что я сумасшедший!

Ты не хочешь жениться? спросил доктор.

Ни за какие коврижки!

В таком случае не дам я тебе свидетельства, сказал доктор, трогаясь за свою куафюру. Кто не хочет жениться, тот не сумасшедший, а напротив, умнейший человек... А вот когда захочешь жениться, ну тогда приходи за свидетельством... Тогда ясно будет, что ты сошел с ума...